

Как у всяких симпатичных существ, у пингвинов немало врагов. Один из самых хитрых и опасных - касатки. Если пингвины в ужасе выскакивают на льдину и сбиваются в стаю - это скорее всего означает, что где-то поблизости волны океана рассекают плавники касаток. И маленькие льдинки - не всегда, к сожалению, островки спасения. Коварные касатки научились своими туловищами так раскачивать льдины, что пингвины кубарем скатываются прямо в пасть хищникам. Главный враг пингвинов на льду и на материке - поморник. Эти обжоры всегда гнездятся возле пингвиньих колоний, чтобы воровать пингвиньи яйца и птенцов. Страшно боялись пингвины и собак, которых человек вслед за собой привез в Антарктиду. Но от четвероногого врага пингвины в Антарктиде уже избавились. Вернее, избавил их от него человек.

Антарктическое сообщество пришло к выводу, что завозить никаких живых существ в Антарктиду нельзя, а все лающие и мяукающие полярные старожилы должны быть в экстренном порядке эвакуированы. И не только ради того, чтоб сберечь пингвинов. Мировое сообщество все отчетливее понимает, что континент этот надо сохранить как уникальный природный заповедник, где не может быть инородной флоры и фауны. Вот почему с 1998 года введен запрет на ввоз в Антарктиду не только живых существ, но и растений. Раньше наши полярники выращивали на подоконниках цветы, а наиболее упорные - даже огурцы и помидоры. И это здорово облегчало жизнь на континенте, где нет никаких растений, и радовало скучающий без зелени глаз. Теперь же любая международная инспекция, заметив на станции привезенные с Большой земли побеги, может заявить протест. Когда на Прогрессе австралийские эксперты заметили выскочившее из почвы какое-то земное, то есть завезенное на шестой континент, растение, началось целое расследование, как оно туда попало. Скорее всего приплыло на подошвах сапог кого-то из участников экспедиции. Наверняка в тех ботинках наш полярник у себя на дачном участке копался, а потом отправился в них на шестой континент... Так что, когда на пути в Антарктиду наш самолет сел в новозеландском городе Крайстчерч и нас заставили показывать подошвы и, если в них втерлись комки земли, отправляли в туалет мыть ботинки, этому удивлялись только новички. Да и сами новозеландцы страшно боятся, что им завезут какой-нибудь заграничный ящур или иную инфекцию, способную нанести вред их национальному достоянию - овцам или растительному миру их островов. Новозеландские таможенники искали в нашем багаже продукты питания или семена с куда большей тщательностью, чем их европейские коллеги наркотики. А грозная надпись в аэропорту предупреждала, что за контрабандный провоз продуктов или растений вам грозит в худшем случае многолетнее тюремное заключение, а в лучшем - штраф в размере 100 тысяч долларов. Самое

обидное, что у одного из нас отобрали шмат домашнего украинского сала. Его владельца явно не останавливала ни новозеландская тюрьма, ни штраф в сто тысяч зелененьких. Он уже готов был стать контрабандистом, но мечтал привезти на Восток лучшую в мире закуску. И вы не представляете, как он радовался, когда симпатичный спаниель, обнюхав всех пассажиров нашего рейса еще в зоне таможенного досмотра, ничего опасного не заподозрив, прошел мимо его сумки. Да и мы радовались, предвкушая, что вечером в отеле отрежем по тоненькому ломтику и откроем свежеприобретенную в новозеландском дьюти фри бутылку вискаря. Но спаниель все же, видать, чего-то учуял. И через несколько минут, видимо что-то вспомнив, решил: Та це ж сало, як же я то нэ зрозумив? - вдруг кинулся к заветной сумке и начал твкать на весь крайстчерчский аэропорт. Пришлось сумку раскрыть, сало вынуть и отдать его довольно милой женщине в таможенной форме, державшей этого подлого песика на поводке. Женщина даже не стала сверток разворачивать - сразу понесла его в специальную камеру и бросила в огромный бак. - Сожгут, гады, - предположили мы, с такой ненавистью глядя на пса-доносчика, какая появляется в глазах наших соотечественников только при встрече с неторопливыми финскими таможенниками, изымающими из сумок водку сверх положенного литра. Извините, что законный гнев меня переполнил и заставил отвлечься и вспомнить о погубленном сале.

Давайте вернемся к пингвинам - в Антарктиду. Пингины - птицы очень доброжелательные и сообразительные. Во всяком случае тогда, в 1982 году, они прекрасно поняли, как важно мне запечатлеть себя на их фоне. Позируют пингины охотно. Фотографировать их можно с расстояния не больше метра. Так что, когда я вернулся из 27-й Советской антарктической экспедиции, уже мог с гордостью показывать фотографии пингинов, ну и, конечно, себя любимого, свободно разгуливающего среди их колоний. Но, конечно, мои снимки императоров по сравнению с работами знаменитого швейцарского фотохудожника Бруно Зендера - просто неловкие попытки начинающего фотолюбителя.

Бруно отдал пингвинам всю свою жизнь. Причем в прямом смысле этого слова. Он участвовал в нескольких антарктических экспедициях, несколько раз ходил на Академике Федорове к берегу Правды, где обитает одна из самых крупных колоний императорских пингинов. Он жил в США и работал на крупнейшие американские иллюстрированные журналы, публикуя в них свои снимки из Антарктиды. В 1997 году он отправился на зимовку в Мирный в составе российской антарктической экспедиции снимать фильм о пингвинах для цюрихского зоопарка. Отправился на зимовку, чтобы рассказать о том, как в середине антарктической зимы императоры выстаивают яйца, выкармливают своих птенцов. Бруно ходил на остров один, хотя по технике безопасности спускаться на припай возле берега Правды в одиночку запрещено - в Антарктиде погода порой меняется за несколько минут: то полное безветрие, то пурга поднимает тучи снега и ничего не разглядеть даже в нескольких шагах. Но Бруно терпеть не мог, чтобы его кто-то сопровождал, считая, что это мешает ему сделать хорошие снимки, да и в присутствии нескольких людей пингины будут вести себя более тревожно. К тому же с ним всегда была рация: в любой момент радисты Мирного могли кликнуть его и узнать, как дела, да и он всегда мог связаться со станцией. И когда в один из первых июльских дней швейцарец отправился за два километра от Мирного - к острову Хасуэлл и метеорологи сообщили, что через несколько часов начнется пурга, радисты, даже прежде чем объявлять по станции штормовое предупреждение,

связались с Бруно: Возвращайся побыстрее, погода портится. Но то ли Бруно так увлекся съемкой, что замешкался, то ли метель налетела слишком стремительно, но через час швейцарец сообщил, что он заблудился и ничего перед собой не видит. Ему приказали: Стой на месте и никуда не двигайся, мы тебя найдем - и стали снаряжать спасательную экспедицию. Но вскоре связь оборвалась - у фотографа в рации сели батарейки... Нашли Бруно лишь на вторые сутки - под береговым барьером. Нашли уже мертвого. Он лежал на льду, широко раскинув руки. Во всяком случае поза спасателям показалась очень странной: если он погиб от холода, то замерзающий человек обычно старается свернуться калачиком. Скорее сердце просто не выдержало. Странно другое - когда в Нью-Йорке вскрыли завешание Бруно Зендера, то оказалось, что знаменитый фотограф, которому было чуть больше пятидесяти, просил похоронить его в Антарктиде. Сейчас на мысе Буромского, где похоронены многие российские полярники, погибшие в Антарктиде, есть и одна иностранная могила - швейцарского фотографа, которого все называли просто - мистер Пингвин...

Владимир Стругацкий